

УДК 902.01, 903.24-25

**УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА***О. В. Умеренкова***WESTERN SIBERIAN BRONZE AGE ADORNMENTS AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ABOUT A
SOCIETY AGE-RELATED STRUCTURE***O. V. Umerenkova*

Исследование посвящено анализу украшений с позиции реконструкции половозрастной организации общества. Представлена объективная информация о зависимости распределения украшений от пола и возраста погребенных, выявлены закономерности распространения изделий и определены основные возрастные группы древнего населения Западной Сибири в эпоху бронзы.

The research analyses adornments in terms of reconstruction of age-related organization of society. Objective information about the relation between adornments distribution and age and sex of buried people is presented in the article, the regularities in items spreading are revealed and the main age-related groups of ancient population in Western Siberia of Bronze Age are identified.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Западная Сибирь, погребения, украшения, половозрастная структура.

Keywords: Bronze Age, Western Siberia, burials, adornments, age-related structure.

В современной археологической науке в основе изучения палеосоциальных процессов лежит признание функционирования нескольких основных социальных структур. Половозрастная (физико-генетическая) структура любого общества, начиная с эпохи неолита, функционировала во взаимосвязи с семейно-брачной, социально-профессиональной, имущественной, ранговой, культурно-символической (религиозной), мифологической социальными структурами [33, с. 52; 26, с. 89 – 91; 29 и др.]. В традиционных обществах в основе вертикальной проекции лежало социальное, имущественное, профессиональное различие, а горизонтальная базировалась на половозрастной структуре.

Сам термин «половозрастная стратификация», используемый в работах ученых, включает в себя половозрастные различия, возрастные классы и группы общества, в структуре которых определяющую роль играют пол и возраст [6, с. 63; 31, с. 68 – 70]. Отсутствие письменных источников в эпоху бронзы привело специалистов к логическому заключению, согласно которому социальная значимость человека в древности находила свое отражение в материальной культуре. Общественное производство, роль при распределении материальных ценностей и другие сферы жизнедеятельности должны были непременно отразиться в погребальном обряде [8, с. 218]. В нашем случае подобную дифференциацию объясняет наличие погребений, богатых инвентарем, главными признаками которых являются большие размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой тризны, большое количество изделий из бронзы. В данном контексте в качестве структурного критерия в организации возрастных групп выступал не просто возраст как биологическая характеристика, а возраст социальный, т. е. относительный признак, согласно которому возрастная группа формировалась как часть коллектива. При реконструкции половозрастной организации общества перед исследователями встает проблема типологии возрастных систем. Что считать критерием момента

вступления в возрастную группу – рождение или инициацию? Мера физического состояния зрелости, способность к труду, полноправное участие в жизни общества становились условиями перехода индивида в иное групповое состояние. Например, первой ступенью социализации ребенка у традиционных народов является обряд инициации. Специалистами различаются такие дефиниции общих понятий жизненного пути человека, как возрастные классы и возрастные группы [14; 39]. Под возрастными классами понимают слои населения, занимающие особое место в системе возрастной стратификации общества и соответственно выделяемые и символизируемые культурой. Возрастные группы представлены организацией, основанной на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфическую структуру, знаковые средства и соответственно воспринимаемые и символизируемые культурой. Методика реконструкции половозрастной структуры общества всегда была актуальной проблемой для этнографов и историков первобытного общества [1; 6; 11; 13; 14; 16; 21; 22; 29; 30]. Исследования в этом направлении проводились археологами на материалах крупных памятников, содержащих представительную источниковую базу и полностью изученных, с привлечением этнографических освидетельствований [2; 3; 5, с. 84; 7; 8; 15; 17; 18; 19; 20; 23; 25; 26; 27; 31; 33; 34; 35; 36; 42; 43; 45 и др.].

Рассматривая одну из самых ярких категорий материальной культуры – бронзовые украшения – в качестве источника изучения половозрастной структуры древнего общества, необходимо, на наш взгляд, использовать понятие «возрастного символизма» – системы представлений и образов, в которой общество воспринимает, осмысливает и освещает жизненный путь индивида и возрастную стратификацию в своей культуре. В данном контексте обязательны такие элементы, как критерии возраста, возрастные стереотипы, свойственные культуре, символизация возрастных процессов, обряды, специфический набор признаков и ценностей, принад-

лежащие данному возрастному слою [39, с. 112]. Любая система возрастной стратификации подразделяла индивиды на группы (жизненные периоды): младенчество, детство, подростковый возраст, зрелость, старость. Эти группы представлены и в погребальной символической, сохраняя основные статусные характеристики умершего в социальной структуре. Возрастной символизм представляет эти группы в знаках, которые проявляются, например, в одежде. Костюм отражает не только пол, но и возраст, социальное положение, родовую принадлежность, магические свойства и т. п. В одежде всегда существовали детали/элементы, символизирующие возрастную разницу. Такими знаками и являются изделия, украшающие одежду, головной убор, обувь и тело человека.

В данном исследовании приведены описания возрастных групп, предложенные специалистами для андроновской культуры и выполненные автором по материалам 25 погребальных памятников эпохи поздней бронзы Западной Сибири: памятники Кузнецкой котловины: Сапогово, Танай II, Ваганово 2, Журавлево I, III, IV, V, Танай I, 7, 12, Титово I, Пьяново, Иваново-Родионово, Шабаново I; лесостепного Алтая и Барнаульского Приобья: Ново-Троицкое I, II, Суртайка, Ближние Елбаны IV, IX; памятники Верхнего Приобья: Милованово I, Ордынское Iг, Преображенка 3; памятники таежной зоны Обь-Томского междуречья: Иштан, ЕК I, II. Материал представлен по 716 погребениям. В ходе анализа были учтены захоронения, совершенные по обряду трупоположения, имеющие антропологические определения. Взрослые (268 ед.) и детские (57 ед.) погребения анализировались отдельно. Категория детских погребений варьировалась от 1 до 12 – 15 лет. В данном случае нами учитывался физиологический фактор по определению специалистов половой зрелости девушек в интервале с 12 – 15 лет, у юношей с 15 лет (более подробно о выделении исследователями таких возрастных групп будет сказано ниже). Данные помещались в таблицы баз памятников с учетом положения, планиграфии и наличия инвентаря. На основе анализа взаимовстречаемости и частоты встречаемости предметов в погребениях образовывались группы. На последнем этапе происходило выделение закономерностей использования категорий инвентаря и выявлен комплекс украшений, характерный для определенных групп в зависимости пол – возраст.

Реконструктивные варианты системы возрастных группирований для андроновского общества по наличию украшений в женских погребениях уже неоднократно предпринимались исследователями [37; 38; 41; 43; 44 и др.]. По типам головных уборов и составу их украшений специалистами выделялись основные возрастные группы: от 10 – 12 до 15 – 18 лет; от 15 до 20 лет; старше 20 лет. В соответствии с этим содержательная характеристика женских возрастных групп была представлена следующим образом: девочка-девушка; девушка-невеста; молодая замужняя женщина; женщина, вышедшая из репродуктивного возраста [41]. Необходимо отметить,

что пол по костным останкам детей достаточно трудно определим, поэтому инвентарь детских захоронений относился специалистами к женскому, исходя из набора украшений.

Степень социализации в детском жизненном цикле носителей андроновской культуры прослеживалась по погребальному обряду: младенцев (до 1 года жизни) хоронили, как правило, в грунтовых ямах, в насыпях курганов, за пределами оград или совместно с женщинами в одной могиле; дети в возрасте от 1 г. до 7 – 9 лет погребались со взрослыми в одной ограде или в пристройке (межкурганное пространство); дети в возрасте от 8 – 9 лет до 10 – 15 лет помещались в погребения вместе со взрослыми в одной ограде или самостоятельно в отдельных пристройках; отдельные детские погребения – отдельные кладбища или участки для захоронения детей. В погребениях детей младенческого возраста украшения в основном отсутствовали. Скорее всего, смерть в таком возрасте не рассматривалась как значимая социальная потеря и поэтому половая специфика одежды (покрова) отсутствовала. Отсутствие знаковой принадлежности при жизни была отражена в погребальном ритуале. Первые украшения были зафиксированы в погребениях детей (девочек) в возрасте 5 – 6 лет. Набор инвентаря представляется для данной возрастной группы простыми в исполнении браслетами (без наворотов), проволоочными серьгами, низками бус.

Корреляция инвентаря и возраста погребенных показала, что украшения и детали костюма появляются в подростковом периоде, что, возможно, связано с прохождением обряда инициации и соответствуют времени полового созревания. При этом с возрастом количество украшений, особенно в женских могилах, увеличивалось. Головной убор с наконечниками в погребениях девочек 10 – 14 лет указывал на новый этап в их социальном положении, намеченном при жизни, т. к. именно головной убор в традиционном костюме является основной деталью в одежде. Тем более показательно, что именно наконечник в составе головного убора является социально-возрастным индикатором женщин и в алакульских коллективах [12, с. 68, 71; 40, с. 60 – 61]. Наконечники являлись неотъемлемой частью головного убора. Эти украшения появлялись у девочек в момент перехода в разряд потенциальных матерей, а затем становились декором свадебного головного убора и исчезали у женщин, родивших ребенка [41, с. 79].

У женщин в возрасте фертильного периода в ювелирных гарнитурах присутствовали браслеты со спиралевидными наворотами, гривны, подвески, бляшки с орнаментом. Возможно, что сложность декора этой возрастной группы указывала на усиление функций защитной магии или плодородия, которыми обладали украшения. Представительницы андроновской культуры носили богатые головные уборы сложной конструкции, состоящие из бронзовых и золотых деталей (рис. 1 – 1, 2). Так, например, на памятнике Фирсово XIV подобные сложносоставные украшения были зафиксированы в семи по-

гребенях из 11 (№№ 74, 88, 124, 200, 213, 222, 292) [41, с. 54]. Анализ археологического и антропологического материала из могильника Фирсово XIV позволил прийти к выводу, что головные уборы женщины андроновской культуры начинали носить примерно с 20 лет и продолжали их использовать вплоть до 60-летнего возраста. Возможно, представленные головные уборы являлись маркером репродуктивного возраста женщин и отражали их роль в андроновском обществе [43, с. 56]. По материалам могильника Лисаковский сложные составные головные уборы фиксировались в погребениях девушек 14 – 16 лет. Аналогичные типы накосников принадлежали погребениям, где были захоронены женщины 20 – 25 лет [39, с. 120]. По наблюдениям Ю. И. Михайлова женщины в возрасте старше 45 лет вообще достаточно редко представлены в андроновских могильниках [24, с. 110]. Участие представительниц старших возрастов в воспроизводстве популяции ограничено не только социальными, но и препятствиями биологического характера. В связи с этим остается спорным существование единой символики для столь широкого возрастного диапазона.

Корреляция инвентаря позднебронзовых комплексов погребений показала следующие закономерности распределения украшений по полу и возрасту.

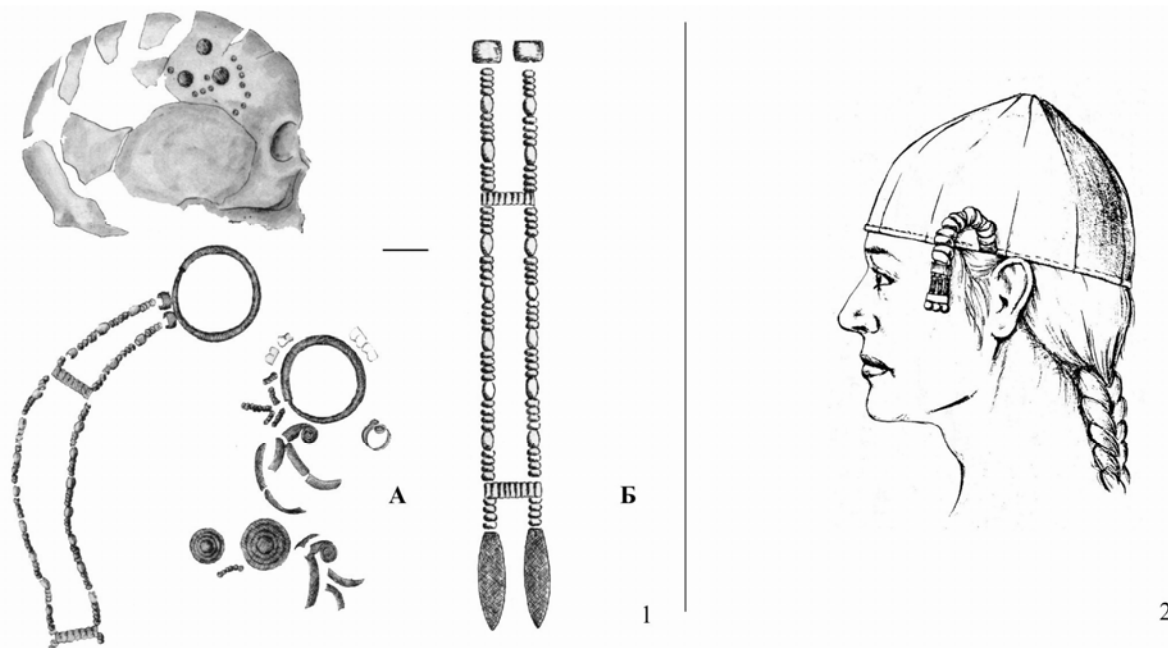
Бляшки – универсальные украшения, зафиксированные в ирменских погребениях как мужчин, так и женщин. Из 180 экземпляров 2 бляшки были зафиксированы в погребениях младенцев, 3 экз. – в детских (возраст 5 – 7 лет), 7 экз. – в подростковых (возраст 13 – 15 лет). Основная часть находок этой категории украшений приходилась на возраст после

15 лет. Данные изделия были одинаково распространены как в погребениях женщин, так и мужчин. Встречаются по 1 – 2 экз. В одном случае было зафиксировано 11 экз. (мог. Журавлево-14, кург. 9).

Накосники – украшения, найденные исключительно в женских погребениях. Из 47 экз., относящихся к ирменскому времени, в 2 случаях накосники принадлежали девушкам 13 – 15 лет (по 2 экз.). Все остальные находки были сделаны в погребениях молодых женщин в возрасте 16 – 30 лет; 30 – 35 лет – 1 случай. Анализ данных сводной таблицы показал, что наличие накосников во многих случаях сопровождалось присутствием гвоздевидных подвесок (38 %). Во всех случаях возраст погребенных фиксировался от 20 до 40 лет и только в одном – 16 – 20 лет. Для этой же возрастной группы вместе с накосниками отмечается наличие пластинчатых браслетов по 1 – 2 шт. (48 %). Остальные категории украшений представлены единично.

Гвоздевидные подвески – из 63 экз. только в одном случае зафиксированы у ребенка в возрасте 5 – 6 лет. Все остальные экземпляры обнаружены в погребениях женщин от 16 до 50 лет. Основная доля встречаемости приходится на возраст от 20 до 35 лет (72 %). В 2 случаях подвески были найдены в погребениях женщин в возрасте 60 – 70 лет.

Пронизки – 214 экз. Строгой закономерности встречаемости от возраста не установлено. Известны находки в погребениях младенцев, детей до 5 – 6 лет, в репродуктивном возрасте и старости. Основная доля приходится на погребения молодых женщин 20 – 35 лет. В 9 случаях зафиксированы в мужских могилах.

**Рис. 1. 1 – могильник Лисаковский, к. 2, м. 2:
А – фрагмент погребения взрослой женщины;
Б – реконструкция накосника, тип 1 [по: 38, рис. 4, 14];
2 – реконструкция головного убора из погребения андроновской культуры мог. Фирсово XVI
(рисунок Д. В. Позднякова) [по: 9, рис. 40]**

С учетом высокой частоты встречаемости были выделены «ведущие типы» – накосники и гвоздевидные височные подвески [5, с. 84 – 85]. Установленные возрастные границы женщин по этим типам головных украшений выглядят следующим образом: 15 – 20 лет – обязательным украшением являются накосники при отсутствии гвоздевидных подвесок; 20 – 40 лет – накосники и гвоздевидные подвески; старше 40 лет – обязательным атрибутом остаются только гвоздевидные подвески, а накосники полностью отсутствуют. В приведенной выше последовательности возрастных группирований у ирменских женщин очевидна дифференцирующая роль накосников. Появление накосников у представительниц ирменского общества с 15 лет совпадало с получением первоначального статуса в системе брачных отношений, а их исчезновение после 40 соответственно означало переход в новое состояние, связанное с исключением из репродуктивного процесса. Временной интервал от 15 до 40 лет совпадал с периодом участия женщин в воспроизводстве населения как у ирменцев, так и андроновцев. Этот интервал – 25 лет – в целом соответствует средней про-

должительности репродуктивного периода, определяемого специалистами в 25 – 30 лет.

Украшения головного убора выделяются в особую группу инвентаря и представляют собой сочетание накосников и гвоздевидных подвесок. В качестве сопутствующего инвентаря представлены браслеты и кольца. Кольца пластинчатые (94 экз.) зафиксированы у погребенных в возрасте 16 – 40 лет (46 %), старше 40 лет (29 %), младенцев (8 %). Единичны находки этой категории украшений у детей 5 – 6 лет и подростков 14 – 15 лет. В 9 случаях пластинчатые кольца были зафиксированы в погребениях мужчин 25 – 45 лет по 1 экз. С категорией пластинчатых колец наиболее массово представлен тип пластинчатых браслетов (83 %). Эти изделия зафиксированы у погребенных в возрасте 16 – 40 лет (33 %), старше 40 лет (20 %), у детей от 1,5 – 5-6 лет известно 4 экз., в погребениях младенцев – 2 экз. и в погребениях подростков 12 – 15 лет – 3 экз. Только в одном случае пластинчатый браслет был зафиксирован в погребении мужчин, остальные являются инвентарем женских погребений.

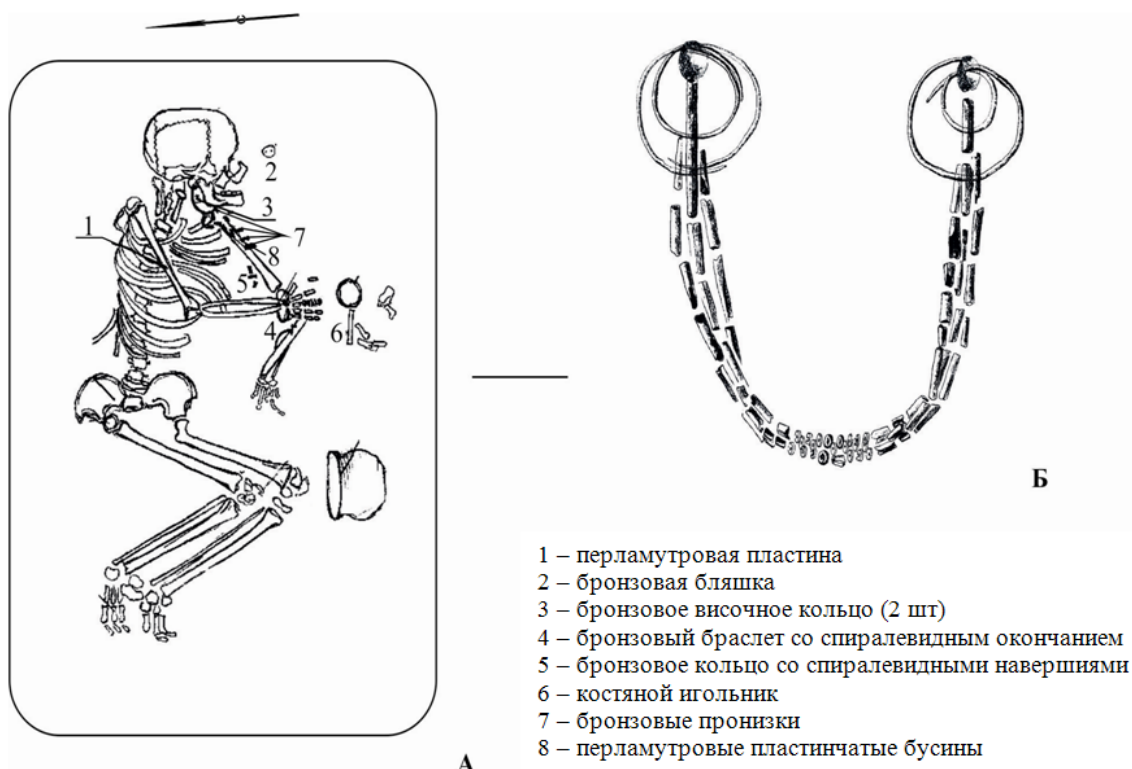

Рис. 2. Могильник Танай-12, к. 9, погр. 18: А – погребение 18; Б – вариант реконструкции головного украшения взрослой женщины [по: 4]

Кольца проволочные – 117 экз. Зависимости от возраста не выявлено. Данный тип зафиксирован у погребенных от младенческого возраста до старости. Единственным отличием является месторасположения колец – у младенцев и детей до 2,5 лет кольца расположены в районе черепа (височных костей), у остальных, как правило, – на фалангах пальцев рук. В 62 случаях кольца были обнаружены по 1 экз., в 17 случаях по 2 экз., в единичных слу-

чаях количество варьировалось от 3 до 10 экз. В 12 случаях проволочные кольца зафиксированы в инвентаре погребений мужчин: в возрасте 25 – 40 лет (75 %), у мужчин после 60 лет (25 %).

При количественном анализе предметов сопроводительного инвентаря ирменских погребений выявляется локализация группы погребенных 14 – 16 лет. Среднее количество предметов сопроводительного инвентаря в этом возрасте составляет

7,5 единицы на одно погребение, тогда как в 16 – 20 лет – 2, а в 20 – 30 – 2,7. Можно предположить, что 14 – 16 лет – наиболее вероятное время первых родов у ирменских женщин, что подтверждается проведенным анализом комплекса украшений ирменских погребений [12, с. 40].

Таким образом, информативные возможности украшений в области половозрастной реконструкции общества не вызывают сомнения. Эти изделия являлись неотъемлемой частью костюма и сопровождали человека на протяжении всей его жизни, демонстрируя, в первую очередь, семейно-брачный статус женщины. Основные возрастные группы, выделенные по материалам погребений эпохи бронзы на территории Западной Сибири включают в себя младенческий возраст до 1 года; 2 – 7(10) лет; 10 – 14 лет; 14(16) лет – 20(25) лет; 25 лет и старше. Украшения, как правило, были одинаковыми для мальчиков и девочек, и различия их в наборе и внешнем виде становились явными только с пяти лет. Наибольшее значение для представительниц женского пола имела перемена детской прически на девичью, а также сватовство и переход в ранг невесты. Центральным моментом в жизни девушки считалась смена девичьей прически и украшений на женские. Именно перемена прически и украшений символизировали новый статус женщины, в некоторых случаях – факт перехода в другой род. Наиболее многочисленным и сложным был комплект свадебных украшений, который носился до рождения первого ребенка. После 30 – 35 лет количество украшений становилось минимальным, а с 40 – 45 лет женщина носила лишь простые серьги и кольца [32, с. 8]. По мере старения и выхода из детородного возраста женщины обычно переставали носить наконечники украшений или их количество сводилось к минимуму.

Литература

1. Алексин, В. А. Социальная реконструкция и погребальный обряд древнеземледельческих обществ [Текст]: монография / В. А. Алексин. – Л.: Наука, 1986. – 191 с.
2. Бобров, В. В. О демографической ситуации в эпоху поздней бронзы на юге Западной Сибири (ирменская культура) [Текст] / В. В. Бобров // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2000. – С. 8 – 11.
3. Бобров, В. В. Половозрастная структура ирменского общества (по материалам головного убора) [Текст] / В. В. Бобров, Ю. И. Михайлов // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 1992. – С. 70 – 72.
4. Бобров, В. В. Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 [Текст] / В. В. Бобров, О. В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Ч. 1. – С. 260 – 263.
5. Бобров, В. В. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 [Текст]: монография / В. В. Бобров, Т. А. Чикишева, Ю. И. Михайлов. – Новосибирск, 1993. – 157 с.
6. Бутинов, Н. А. Половозрастная организация [Текст] / Н. А. Бутинов // Советская этнография. – № 1. – М.: Наука, 1982. – С. 63 – 68.
7. Гей, А. Н. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) [Текст] / А. Н. Гей // Социальная дифференциация обществ (поиски археологических критериев). – М., 1993. – С. 42 – 77.
8. Генинг, В. Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования [Текст]: монография / А. Н. Гей. – Киев, 1989. – 296 с.
9. Горбунов, В. В. История Алтая. – Часть 1: Древний Алтай [рисунок] / В. В. Горбунов, А. Л. Кунгуров, О. Ф. Кунгурова, А. Б. Шамшин. – Барнаул, 2010. – С. 40.
10. Горяев, В. С. О начале «брачного периода» у женщин ирменского общества [Текст] / В. С. Горяев // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1997. – С. 39 – 42.
11. Добролюбовский, А. О. Принципы социологической реконструкции по данным погребального обряда [Текст] / А. О. Добролюбовский // Теория и методы археологических исследований. – Киев: Наукова Думка, 1982. – С. 54 – 68.
12. Евдокимов, В. В. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) [Текст] / В. В. Евдокимов, Э. Р. Усманова // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990. – С. 66 – 80.
13. Калиновская, К. П. К проблеме возрастных систем [Текст] / К. П. Калиновская // Советская этнография. – № 1. – М.: Наука, 1982. – С. 59 – 62.
14. Калиновская, К. П. Региональное и глобальное в половозрастной дифференциации обществ с системами возрастных классов [Текст] / К. П. Калиновская // Исследования по первобытной истории. – М.: Наука, 1992. – С. 157 – 168.
15. Кирюшин, Ю. Ф. Некоторые аспекты социальной организации андроновского общества [Текст] / Ю. Ф. Кирюшин // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 29 – 34.
16. Кожин, П. М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза [Текст] / П. М. Кожин // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. – М., 1987. – С. 80 – 107.
17. Комарова, М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак [Текст] / М. Н. Комарова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – № 3. – Л., 1961. – С. 32 – 73.
18. Коренько, В. А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) [Текст] / В. А. Коренько // СА. – № 2. – 1990. – С. 28 – 41.
19. Максименков, Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источ-

ник изучения семейных и общественных отношений [Текст] / Г. А. Максименков // Древняя Сибирь. – Вып. 4. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 8 – 17.

20. Максименков, Г. А. Андроновская культура на Енисее [Текст]: монография / Г. А. Максименков. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

21. Массон, В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) [Текст]: монография / В. М. Массон. – Л.: Наука, 1976. – 192 с.

22. Массон, В. М. Исторические реконструкции в археологии [Текст]: монография / В. М. Массон. – Фрунзе: Илим, 1990. – 95 с.

23. Матвеев, А. В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения по материалам поселений [Текст] / А. В. Матвеев // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск, 1995. – С. 25 – 41.

24. Михайлов, Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы) [Текст]: монография / Ю. И. Михайлов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 264 с.

25. Молодин, В. И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) [Текст] / В. И. Молодин // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984. – С. 37 – 44.

26. Молодин, В. И. Бараба в эпоху бронзы [Текст]: монография / В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

27. Молодин, В. И. Социальнозначимые захоронения кротовской культуры [Текст] / В. И. Молодин // Религиозные представления в первобытном обществе. – М., 1987. – С. 140 – 144.

28. Ольховский, В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции [Текст] / В. С. Ольховский // Российская археология. – № 2. – 1995. – С. 85 – 98.

29. Поликанова, Е. П. Социальная структура общества (анализ различных концепций) [Текст] / Е. П. Поликанова // Философия и общество. – № 5. – 1998. – С. 233 – 240.

30. Попов, В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности. (Вместо ответа оппонентам) [Текст] / В. А. Попов // Советская этнография. – № 1. – М.: Наука, 1982. – С. 68 – 79.

31. Смирнов, К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время [Текст] / К. Ф. Смирнов // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 68 – 90.

32. Сычева, Н. С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX – XX веков [Текст]: монография / Н. С. Сычева // Из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М.: Советский художник, 1984. – 180 с.

33. Тишкин, А. А. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологи-

ческих данных [Текст] / А. А. Тишкин, П. К. Дашковский // Археология Южной Сибири. – Новосибирск, 2003. – С. 51 – 55.

34. Ткачев, А. А. Половозрастная характеристика нуртайских комплексов Северной Сары-Арки [Текст] / А. А. Ткачев // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 1999. – С. 146 – 149.

35. Ткачев, А. А. Социальная структура андроновского общества [Текст] / А. А. Ткачев, Н. А. Ткачева // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1997. – С. 49 – 52.

36. Троицкая, Т. Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большеберченской культуры (V – I вв. до н. э.) [Текст] / Т. Н. Троицкая // Скифо-Сибирский мир. – Кемерово, 1989. – С. 73 – 76.

37. Усманова, Э. Р. Андроновский могильник Лисаковский [Текст] / Э. Р. Усманова // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: МВД Казахской ССР, 1989. – С. 116 – 119.

38. Усманова, Э. Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) [Текст] / Э. Р. Усманова // Маргулановские чтения. – Ч. 1. – М., 1992. – С. 97 – 104.

39. Усманова, Э. Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели [Текст]: монография / Э. Р. Усманова. – Караганда – Лисаковск, 2005. – 232 с.

40. Усманова, Э. Р. Женские наконечники украшений Казахстана (эпоха бронзы) [Текст]: монография / Э. Р. Усманова, В. Н. Логвин. – Караганда, 1998. – 64 с.

41. Усманова, Э. Р. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) [Текст] / Э. Р. Усманова, А. А. Ткачев // Вопросы древней истории. – № 2. – М., 1993. – С. 75 – 83.

42. Хлобыстина, М. Д. Андроновские детские могильники как палеосоциологический источник [Текст] / М. Д. Хлобыстина // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 18 – 27.

43. Шамшин, А. Б. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая [Текст] / А. Б. Шамшин, О. А. Ченских // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1997. – С. 52 – 56.

44. Шевнина, И. В. Опыт реконструкции женского погребального костюма по материалам могильника эпохи бронзы Джангильды V [Текст] / И. В. Шевнина // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: ЭКО, 2002. – С. 113 – 117.

45. Шпакова, Е. Г. Демографическая характеристика населения тагарского времени по материалам могильника Береговой-1 [Текст] / Е. Г. Шпакова, А. П. Бородавский // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 4. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 386 – 391.